

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ БЛОКА «ПЕРЕД СУДОМ»

(ИЗ ПЕРЕПИСКИ Р. В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА И Е. П. ИВАНОВА)

Предисловие, публикация и комментарии Н. В. Скворцовой

Стихотворение «Перед судом» было написано 11 октября 1915 г., впервые опубликовано в январском номере журнала «Русская мысль» за 1916 г., а в 1920 г. включено в сборник «Седое утро». 28 июня 1916 г. Блок отметил в записной книжке: «Цикл „Кармен“ должен заканчиваться стихотворением „Что же ты потушилась...“» (ЗК, 309). Однако впоследствии он отказался от своего намерения и, подготавливая третий том лирики, который вышел в свет уже после его смерти, в 1921 г., поместил «Перед судом» в раздел «Разные стихотворения», где оно с тех пор печатается в соответствии с последней волей поэта.

В обобщающих работах советских филологов в связи с этим стихотворением высказан ряд ценных наблюдений. Биографические аспекты стихотворения полнее всего рассмотрены в книге А. Е. Горелова «Гроза над соловьиным садом» (Л., 1973). На тематические переклички с произведениями русской классической литературы обращали внимание З. Г. Минц¹ и И. Т. Крук². Но основное внимание литературоведов было обращено на вопрос об адресате стихотворения «Перед судом».

Крайне противоположные мнения находим у комментаторов собраний сочинений Блока. В. Н. Орлов считает, что стихотворение «обращено, безусловно, к Л. Д. Блок» (III, 552). С. А. Небольсин, основываясь на желании Блока закончить этим стихотворением цикл «Кармен», посвященный Л. А. Дельмас, считает адресатом стихотворения ее³. Существует также представление о контаминации двух женских образов в лице героини этого произведения⁴.

Спор об адресате стихотворения «Перед судом» в литературе о Блоке рассмотрел А. Е. Гореловым (см. указ. соч.), который впервые процитировал отрывки из письма Иванова-Разумника Е. П. Иванову от 2 декабря 1940 г. (по копии, хранящейся в архиве Л. А. Дельмас).

Как сейчас стало известно, в декабре 1940 г. Иванов-Разумник и Е. П. Иванов обменялись несколькими письмами, основной темой которых был вопрос об адресате стихотворения «Перед судом». Поскольку оба корреспондента более подробно, чем все последующие авторы, обосновывали свое мнение, а кроме того, затрагивали иные аспекты стихотворения, представляется целесообразным опубликовать их письма.

Три письма Иванова-Разумника и два черновика к письму Е. П. Иванова были переданы семьей Е. П. Иванова известному исследователю творчества Блока Д. Е. Максиму.

Переписка Иванова-Разумника и Е. П. Иванова интересна тем, что это — полемика о стихотворении «Перед судом» двух современников Блока, близко знавших и любивших поэта.

Евгений Павлович Иванов был «действительным» (ЗК, 309), самым близким другом Блока с юных лет и до самой его смерти⁵. Человек религиозно-мистического мироощущения, он стал близок символистскому кругу, хотя и не вел постоянной литературной работы. Андрей Белый в своих воспоминаниях о Блоке писал: «Среди символистов встречались и личности, не имевшие отношения к литературному символизму, не написавшие ни одной строчки или позднее писавшие под иными лозунгами: Сергей Соловьев, Вольфинг⁶, Н. К. Метнер, А. С. Петровский, Е. П. Иванов, А. Н. Шмидт и др. Именно они-то и выносили в личных исканиях всю подоплеку позднейшего символизма»⁷.

Е. П. Иванов обладал способностью проникать в самую глубину переживаний и творческих устремлений Блока. Не написав о Блоке ни одной критической статьи, Е. П. Иванов оставил очень интересные, хотя и незаконченные воспоминания и записи о нем⁸. О Разумнике Васильевиче Иванове (Иванове-Разумнике) и его отношениях с Блоком см. в наст. томе статью и публикацию А. В. Лаврова (кн. 2, с. 366—391).

Смерть Блока соединила Иванова-Разумника и Е. П. Иванова, ранее далеких друг от друга.

В 1940 г. Евгений Павлович служил кассиром в Музыкальной школе при Ленинградской консерватории. Эта работа, по устным воспоминаниям его племянницы, профессора Ленинградской консерватории Вероники Петровны Ивановой, во-первых, давала ему ту сумму денег, выше которой он по своим принципам не считал возможным зарабатывать, во-вторых, оставляла время для той постоянной внутренней работы, которой он был всегда занят, и, в-третьих, давала возможность слушать любимые им оперы в студии консерватории.

Доцент Ленинградской консерватории пианистка И. Д. Ханцин в своих неопубликованных воспоминаниях пишет: «В 1940 г. я преподавала музыку в Музыкальной школе при консерватории. Однажды, подойдя к кассе, я заглянула в окошечко. Рыжебородый кассир поднял на меня глаза, и я поразились тому необыкновенному свету, добру и силе духа, которые буквально хлынули на меня из этих глаз. Казалось, что этот человек не может быть занят такой прозаической работой, как выдача денег, что сфера его деятельности должна быть непременно связана с углубленной духовной работой и каким-либо видом художественного творчества. Этот кассир так поразил меня, что я рассказала о нем своему близкому знакомому — Разумнику Васильевичу Иванову. „Да ведь это Женя Иванов“, — сказал он мне. Я сразу поняла, о ком идет речь: о Жене Иванове, замечательном человеке, о его многолетних религиозно-философских исканиях, трудной личной судьбе мне рассказывал Владимир Алексеевич Пяст, с которым я была дружна. Кроме того, все, кто любил стихи Блока и чтит его имя, уже были знакомы с его дневниками и записными книжками. Ближе узнав Евгения Павловича, я поняла, что с Разумником Васильевичем их связывала теплая дружба, которой не мешали разница в миропонимании и, можно сказать, способе жизни (рационалистическое мировосприятие, знание положительных и негативных сторон жизни, жизненная цепкость Разумника Васильевича, с одной стороны, а с другой — религиозно-романтическое, иррациональное мировосприятие, простодушие, доверчивость и абсолютная житейская непригодность Евгения Павловича). Основой этой дружбы была память об Александре Александровиче Блоке и общий круг знакомых, связанный с этим именем. Оба они, а также очень близкий к ним Владимир Алексеевич Пяст были чрезвычайно сдержанны в разговорах о Блоке с посторонними людьми, что, несомненно, объяснялось их уважением к памяти поэта. Особенно молчалив был в этом отношении Пяст. Но в их обществе эта тема была постоянной, и они часто спорили между собой».

Таким продолжением устного спора между Ивановым-Разумником и Е. П. Ивановым стала их декабрьская переписка 1940 г. об адресате стихотворения «Перед судом». В этом споре Е. П. Иванов высказал мнение, что стихотворение более отражает образ Л. Д. Блок, чем Л. А. Дельмас. Оспаривая это, Иванов-Разумник хронологически и тематически сближает «Перед судом» со всеми стихотворениями, адресованными Л. А. Дельмас, а также пишет о решающей записи Блока от 28 июля 1916 г. (о принадлежности стихотворения циклу «Кармен»). Кроме того, Иванов-Разумник не находит ничего общего между героиней «Перед судом» и Л. Д. Блок.

Копию своего письма Е. П. Иванову от 2 декабря 1940 г. Иванов-Разумник послал Л. А. Дельмас, и она во время личной встречи с ним подтвердила все его предположения (см. письмо Иванова-Разумника от 6 декабря 1940 г.). Очевидно, говоря о стихотворении «Перед судом», Л. А. Дельмас показывала Иванову-Разумнику подаренный ей Блоком автограф этого стихотворения с посвящением «Л. Д.» и с разнотечием по сравнению с каноническим текстом. Текст этого разнотечения очень знаменателен: вместо «Эта прядь — такая золотая...» в автографе были слова: «Ночь кудрей — такая золотая...», вызывающие ассоциацию со стихотворением «Есть демон утра. Дымно светел он...»⁹.

В настоящее время комментариями к циклу «Кармен» служат не только примечания в собраниях сочинений, но и опубликованные письма поэта к Л. А. Дельмас¹⁰, ее краткие воспоминания, где приведена, в частности, знаменательная запись Блока: «Господи, принимаю покорно и эту любовь, вторую и последнюю — для нее и для меня, — которую Ты даешь»¹¹.

Казалось бы, нет даже повода для спора: Л. А. Дельмас не сомневается в том, что стихотворение обращено к ней. Она, по свидетельству ее сестры Е. А. Фащевской, была этим стихотворением обижена до слез. С другой стороны, Любовь Дмитриевна с негодованием отвергает предположение о том, что стихотворение может быть адресовано ей¹². Блок предполагает этим стихотворением закончить цикл «Кармен». И тем не менее спор.

В ответном письме Е. П. Иванов очень убедительно расширяет биографическую основу стихотворения. Он не отрицает, что импульсом к созданию этого стихотворения послужили

отношения Блока с Л. А. Дельмас, как они складывались в конце 1915 г. Но, приводя биографические факты более широко, чем Иванов-Разумник, Е. П. Иванов стремится доказать, что в стихотворении в большей степени присутствует «сфера» Любви Дмитриевны Блок. Поскольку в личной жизни Блока Е. П. Иванову было открыто значительно больше, чем Иванову-Разумнику, то он очень убедительно показывает контаминацию в стихотворении двух женских образов, которые в период создания стихотворения постоянно присутствовали в сознании поэта. Недаром сорок четвертая заключительная записная книжка 1914 г. заканчивается словами: «Люба вдали. Любовь Александровна моя. Люба» (ЗК, 252).

Нет ни одной строфы стихотворения «Перед судом», которая не включала бы в себя ту и другую Любу. Даже строфа:

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть.
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть,

— отмечает как отношения с Л. А. Дельмас, так и отношения с Л. Д. Блок, отраженные в позднейшей записи Блока: «Едва моя невеста стала моей женой, лиловые миры первой революции захватили нас и вовлекли в водоворот. Я первый, как давно тайно хотевший гибели, вовлекся в серый пурпур, серебряные звезды, перламутры и аметисты метели. За мной последовала моя жена, для которой этот переход (от тяжелого к легкому, от недозволенного к дозволенному) был мучителен, труднее, чем мне. За миновавшей выжкой открылась железная пустота дня, продолжавшего, однако, грозить новой выжкой, таить в себе обещания ее. Таковы были междуреволюционные годы, утомившие и истрепавшие душу и тело» (VII, 300—301).

Но Е. П. Иванов не только доказывал, что в стихотворении «Перед судом» присутствует образ Л. Д. Блок, он сделал шаг к более расширительному пониманию стихотворения и показал путь к этому от непосредственного биографического факта: «...пережитый момент от признания (Л. А. Дельмас.— Н. С.) был так глубок, что вызвал „приближение звука“, понятного и знакомого, разбудил „мой колокола“ и охватил всю жизнь самого автора с пережитым им».

Не игнорируя биографических фактов, а, наоборот, привлекая их более широко, Е. П. Иванов утверждал несводимость художественного образа к точным жизненным параллелям, невозможность прямых биографических проекций при анализе художественного целого. Е. П. Иванов не был литературоведом, но он, как справедливо отметил Д. Е. Максимов, «умел входить в поэтический мир Блока свободнее, горячее и глубже, чем многие другие, даже ближайšie соратники поэта»¹³.

Приношу глубокую благодарность Дмитрию Евгеньевичу Максиму за предоставление для публикации автографов писем Иванова-Разумника к Е. П. Иванову и двух черновики письма Е. П. Иванова, полученных им от семьи Е. П. Иванова, а также за ценные советы.

Благодарю И. Д. Ханцин, В. П. Иванову, И. А. Фащевскую за сообщенные сведения.

Письмо Е. П. Иванова публикуется по автографу (ИРЛИ, ф. 79, архив Иванова-Разумника, оп. 1, ед. хр. 267, л. 4—6). Выдержки из черновики этого письма приводятся в примечаниях к публикации.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ З. Г. Минц. Лирика Александра Блока, вып. 4. Гарту, 1975, с. 30.

² И. Т. Крук. Поэзия Александра Блока. М., 1970, с. 113—114.

³ А. А. Блок. Собр. соч. в 6 томах, т. 3. М., 1971, с. 340.

⁴ См.: А. Е. Горелов. Гроза над соловьиным садом. Л., 1973; Л. К. Долгополов. Александр Блок. Личность. Творчество. Л., 1980, с. 173—180; В. П. Енишерлов. Александр Блок. Штрихи судьбы. М., 1980, с. 118—133; В. Емельянова, А. Стюнекова. «Ваш голос, дорогой навеки...» — В кн.: А. Блок и современность. М., 1981, с. 265—285.

⁵ Подробно мировоззрение Е. П. Иванова и его взаимоотношения с Блоком охарактеризованы в статье: Д. Е. Максимов. Александр Блок и Евгений Иванов. — «Блоковский сб.», 1, с. 344—361.

⁶ Псевдоним Э. К. Метнера.

⁷ «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 14.

⁸ «Воспоминания и записки Евгения Иванова об Александре Блоке». Публ. Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова. — «Блоковский сб.», 1, с. 362—424.

⁹ Сведения об этом автографе содержатся в кн.: А. Е. Г о р е л о в. Гроза над соловьиным садом, с. 584.

¹⁰ VIII, 433; «Письма А. А. Блока к Л. А. Дельмас» (Публ., подготовка текста и комментарии И. А. Фашевской). — «Звезда», 1970, № 11, с. 180—201.

¹¹ Л. А. Д е л ь м а с. «Мой голос для тебя...» Воспоминания. — «Аврора», 1971, с. 69.

¹² См. воспоминания В. П. Веригиной «Памяти Любови Дмитриевны Менделеевой-Блок». — «Звезда», 1980, № 10, с. 174—172.

¹³ Д. Е. М а к с и м о в. Александр Блок и Евгений Иванов, с. 361.

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — Е. П. ИВАНОВУ

2 декабря 1940. Пушкин. Ляминский пер., 4

Дорогой Евгений Павлович,

вчера, вернувшись домой от Вас, хотя было уже очень поздно (12 часов ночи), — сразу взялся за свои манускрипты, чтобы решить окончательно наш спор: к «Дмитриевне» или «Александровне» относится стихотворение «Перед судом». Попутно перечитал все двадцать одно стихотворение, связанное с «Кармен», и сообщаю Вам из книги моей «История стихотворений Александра Блока» (которая, вероятно, никогда не увидит света)¹ неизвестные даже и Вам сведения об этих стихотворениях.

Во-первых — это десять стихотворений, вошедшие в канонический текст «Кармен» (III, 159—170)². Напоминаю Вам даты всех этих мартовских десяти стихотворений 1914 года: 4—III, 24, 24, 18, 26, 25, 30, 28, 28, 31—III. Таков порядок в каноническом тексте.

Еще два стихотворения, написанные тогда же, А. А. не включил в цикл «Кармен», хотя они и относятся к Л. А. Дельмас. Это, во-первых — «Петербургские сумерки снежные» (III, 152—15 марта) и во-вторых — «Я гляжу на тебя» (III, 41—22 марта). Первое из них в рукописи датировано так: «15—III—14 V 1914» и носит посвящение: «Л. А. Д.» — Второе, которое А. А. позднее ввел в цикл «Черная кровь», было в «Седом утре» напечатано как отдельное стихотворение³, а в рукописи было датировано: «Осень 1909—22 III 1914». Написанное в разгар творчества «Кармен», стихотворение это явно относится к Л. А. Дельмас⁴.

Далее идет (тринадцатое) стихотворение: «Смычок запел» (III, 153), написанное 14 V того же «карменского» года; в рукописи датировано: «27 XII 1908 — 14 V 1914» — т. е. последняя дата та же, что и в стихотворении «Петербургские сумерки» (см. выше). Это позволяет — и по дате, и по содержанию — присоединить его к тому же ряду «карменских» стихов.

Четырнадцатое стихотворение — «Не было и нет» (IV, 208)⁵. Оно датировано «28 ноября 1908—16 мая 1914». Первая дата почти одновременна с циклом «Заклятие огнем и мраком и пляской метелей»⁶, так что черновик 1908 года несомненно относится к Н. Н. Волоховой. Через шесть лет запись на черновом листке: «Допис. 16 мая 1914», т. е. через день после предыдущего стихотворения («Смычок запел...»), и несомненно относится к Л. А. Дельмас.

Пятнадцатое стихотворение — «Я помню нежность Ваших плеч» (IV, 208); дата — 1 июля 1914. По теме оно связано с предыдущим, а черновик его находится в Записной книжке № 42, целиком посвященной Л. А. Дельмас; полный черновик так и носит посвящение: «Л. А.». Привожу интереснейший черновик, причем ставлю в квадратные скобки все, зачеркнутое А<лександром> А<лександровичем>.

[Да, дней моих печален свиток.]
[Ты опечалилась, прочтя
Печальной жизни длинный свиток
В моих глазах.]
Печален жизни длинный свиток,
Все в душу мне глядится ночь.

Дай красоты твоей избыток
Мне, юга пламенная дочь.
Благоуханными перстами
[Закрой глаза мои]
[Твой долгий взгляд]
[Был вечер. За окном вагона]

Бежали дачи и кусты.]
 [Если б сердце остыло]
 Звал, заклинал я, погибая,
 [И Вы явились мне.]
 [Я вызвал Вас из бури звуков
 Там, в вихре музыки и света]
 [Над бездной]
 [Я встретил Вас]
 Из вихря музыки и света
 Взор, полный долгого привета?

Нет, не забыл я Ваших плеч,
 Застенчивость и зелень взоров,
 Среди веселых разговоров
 Порой замедленную речь.
 Волос
 [Грудного голоса всегда
 В себя] влюбляющие звуки,
 Сирени темной в день разлуки
 Пятиконечная звезда.
 Печален жизни длинный свиток⁷.

Из этого черновика и получилось стихотворение «Я помню нежность Ваших плеч».

Шестнадцатое стихотворение — «Та жизнь прошла» и семнадцатое — «Была ты всех ярче» — написаны в один и тот же день, 31 августа 1914⁸. Оба эти стихотворения тематически заканчивают начатое в стихотворениях «Петербургские сумерки» и «Смычок запел». «Посвященность» всех этих стихотворений Л. А. Дельмас не возбуждает сомнений. В Записной книжке № 44 (август 1914): «Ночью я пишу прощальное письмо к ней» (16—VII); «Утром я переписываю письмо. *Посылаю его и розы*» (17—VIII)⁹.

Теперь хронологически идет то стихотворение, которое Вы ошибочно считаете обращенным к Л. Д. Блок: восемнадцатое стихотворение — «Перед судом» (III, 110), датированное 11 октября 1915. В черновике после третьей строфы идет четвертая, зачеркнутая и не вошедшая в печатный текст, однако объясняющая заглавие стихотворения:

Женщина, прекрасная когда-то,
 Слабая, замучила семья,
 Пала низко, мало виновата,—
 Так и судьбы скажут, так и я.

Уже одно это показывает, что к Л<юбови> Д<митриевне> это не имеет никакого отношения: «замучила семья», которой у Л<юбови> Д<митриевны> никогда не было. Недаром А<лександра> А<ндреевна> в своих письмах Марии Павловне называет Любу «бродягой» («не странница, а бродяга»), «бездомной»¹⁰. Но вопрос решает запись А<лександра> А<лександровича> в Записной книжке № 48, в которой читаем: «Цикл „Кармен“ должен заканчиваться стихотворением «Что же ты потупилась» (запись от 28 июня 1916 г.; 11 октября — окончательный текст стихотворения)¹¹.

Деятнадцатое стихотворение: «Не могу тебя не звать» (IV, 207). Даты: «30 ноября 1908 — 25 декабря 1914—1918». Первоначальная редакция черновика 1908 г. несомненно относилась к Н. Н. Волоховой и очень разнится от канонического текста. Вот черновик:

Не могу я не мечтать,	Хочешь дня,—
Не могу тебя не звать,	Приходит ночь,
Счастье мое!	Не избежешь ты меня!
Сладко, сладко повторять	Черно-синия коса,
Имя нежное твое!	Расплетись,
Вся ты — буря и весна,	В эти жадные глаза
Вся ты — мной одним пьяна,	Заглядишь,
Вся ты — мне обречена,	Долгожданная гроза —
Не беги же прочь!	Разразись! ¹²

Через шесть лет после первого черновика 1908 года (как это было и с одновременно написанным стихотворением «Не было и нет» — см. выше) Александр Александрович привел его в вид, близкий к каноническому (дата: «25 XII 1914» и над ней надпись: «дописано!»), но «черно-синюю косу» Н. Н. Волоховой переделал в «золотистую косу» Л. А. Дельмас. Окончательно дописано через

четыре года, с надписью Александра Александровича в рукописи: «и еще: 1918!»*.

Дальше идет стихотворение, «посвященность» которого Л. А. Дельмас для меня пока под сомнением: «Превратила все в шутку сначала» (III, 154). Дата — 29 февраля 1916 г. Отношу его к Любови Александровне по методу исключения: не знаю никого другого, к кому оно могло бы относиться в эту эпоху. Решить может сама Любовь Александровна. — Это — двадцатое стихотворение.

И, наконец, двадцать первое: «Едва в глубоких снах» (IV, 213), датированное 23—24 октября 1920 и посвященное «Л. А. Д.» Оно сомнений не вызывает.

Ко всему этому прибавить надо и поэму «Соловиный сад» (1914—1915), идущую непосредственно вслед за «Кармен» и посвященную на именном экземпляре Л. А. Дельмас — «той, которая поет в соловьином саду»¹³.

Вот Вам, дорогой Евгений Павлович; не для оглашения, а для сведения сводка всего, что мне известно о «Кармен» и ее продолжении. Если Бог грехам потерпит, собираюсь в начале будущего года развить эту сводку в большую статью¹⁴. А завтра собираюсь побывать у Л. А. Дельмас, с которой уже оговорился по телефону.

От всех нас всей Вашей семье — сердечный привет.

Любящий Вас Р. И в а н о в.

¹ О судьбе рукописи Иванова-Разумника «История стихотворений Александра Блока» см. во вступительной статье А. В. Лаврова к переписке Блока с Р. В. Ивановым-Разумником (наст. том, кн. 2, с. 382—384). Рукопись находится в ЦГАЛИ (ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 2). Дальнейшие ссылки будут даны на листы этой рукописи.

² Здесь и далее Иванов-Разумник указывает том и страницы издания: А. Б л о к. Собр. соч. в 12 томах. Л., 1932—1936.

³ Иванов-Разумник ошибочно считал, что стихи сборника «Седое утро» (Пб., 1920) были позднее разнесены Блоком по разделам третьего тома стихотворений, который вышел в свет уже после его смерти (1921). В действительности подготовка третьего тома была закончена Блоком в августе 1918 г. Тогда же в цикл «Черная кровь» было введено стихотворение «Я гляжу на тебя». См.: И. П р а в д и н а. История формирования цикла «Страшный мир». — В кн.: «В мире Блока». М., 1980, с. 231, 232, 239.

⁴ Сама Л. А. Дельмас переадресовала это стихотворение жене поэта (см.: В. П. Е н и ш е р л о в. Александр Блок. Штрихи судьбы. М., 1980, с. 128).

⁵ «Не было и нет во всей подлунной...» («Королева»).

⁶ Цикл из одиннадцати стихотворений «Заклятие огнем и мраком и пляской метели» был опубликован в журнале «Весы», 1908, № 3, с. 7—20.

⁷ Приведенный в письме черновик находится в ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 354, л. 4 об.—7.

⁸ Комментируя эти два стихотворения, В. Н. Орлов отмечает, что их первоначальные наброски относятся к 1910 г. (III, 575).

⁹ ЗК, 237.

¹⁰ Мария Павловна *Иванова* (1873—1941), сестра Е. П. Иванова, была дружна с матерью Блока Александрой Андреевной Кублицкой-Пиотух. Письма Александры Андреевны к Марии Павловне находятся в ЦГАЛИ (фрагменты из них опубл. в кн. 3 наст. тома).

¹¹ ЗК, 309. Л. К. Долгополов пишет о том, что при включении стихотворения в цикл «скрытые мотивы цикла выходили наружу, становились явными. Оформлялся вывод, „результат“, хотя по характеру содержания он оказывался противоположным тому, на что поэт, как видно, рассчитывал. Цикл „Кармен“ благодаря стихотворению „Перед судом“ как бы включался в общий поток блоковского творчества 1910-х годов» (Л. К. Д о л г о п о л о в. Александр Блок. Личность. Творчество. Л., 1980, с. 179). Необходимо добавить к этому, что стихотворение «Перед судом» по своему «бытовому» характеру все же чуждо циклу «Кармен», полному космической стихийности. Это замечает в своем ответе на письмо Иванова-Разумника и Евгений Павлович Иванов.

¹² В «Истории стихотворений Александра Блока» Иванов-Разумник дает более распространенный комментарий: «Внутренняя тема „Соловиного сада“ должна быть связана с эпилогом цикла „Кармен“, если иметь в виду, что та прозаическая запись плана поэмы после первых двух глав, которая была приведена выше <,Он услышит чужой язык, испугается, уйдет от нее, несмотря на ее страсти и слезы, и задумается о том, что счастью тоже надо учить-

* Доказательством, что это стихотворение относится к Л. А. Дельмас, служит еще и то, что оно вошло третьим в цикл «Стихов о любви» («Утро России», 1915 г.), два первых стихотворения которого — «Смычок запел» и «Я помню нежность» — адресованы Л. А. Дельмас несомненно (прим. автора).

«жизнь прошла...» и „Была ты всех ярче...“ — Н. С.)».

¹³ 8 августа 1918 г. Блок подарил Л. А. Дельмас вышедший отдельным изданием «Соловьиный сад» с надписью: «Л. А. Д., той, которая поет в Соловьином саду». Это посвящение показывает, что «Соловьиный сад» по праву может считаться эпилогом к циклу «Кармен» (л. 185 об.). Упомянутый личный экземпляр «Соловьиного сада» утерян.

¹⁴ Подобная статья Ивановым-Разумником не была написана.

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — Е. П. ИВАНОВУ

6 декабря 1940. Пушкин. Ляминский пер., д. 4

Дорогой Евгений Иванович,

это мое письмо — *post scriptum* к заказному от 2/XII. Сим сообщаю:

Былу Л. А. Дельмас, которая подтвердила все мои предположения и рассказала о каждом из двадцати одного стихотворения — как и когда оно читалось ей Александром Александровичем (очень интересно!). Особенно подробно о «Перед судом». Кстати, прибавлю, что уже первая его строка показывает, что оно адресовано не Л(юбови) Д(митриевне) — «Что же ты потупилась в смущеньи...» Разве «Люба» могла «потупиться в смущеньи»? ¹ Вот уж не похоже было бы это на нее! Но это лишь к слову. И запись А(лександра) А(лександровича) и свидетельство Дельмас окончательно решают вопрос.

«Превратила все в шутку» — тоже относится, как я и предполагал, к Л(юбови) А(лександровне).

В прошлый раз забыл еще об одном стихотворении (т. IV, стр. 210). «От знающего почерк ясный...». Итого стихотворений, относящихся к Л. А. Дельмас, будет *двадцать два*.

Кроме того, стихотворение «Ты жил один» (III, 153, 26—VIII—1914), написанное в дни временного разрыва с Л(юбовью) А(лександровной) (см. в моем прошлом письме стихи и записи А(лександра) А(лександровича) от августа 1914 г.), тоже навеяно мыслью об этом разрыве. Итого — *двадцать три* ².

Все!

Всему дому привет! Любящий Вас Р. И в а н о в

¹ Ср.: В. В е р и г и н а. Памяти Любви Дмитриевны Менделеевой-Блок. — «Звезда», 1980, № 10, с. 171.

² Кроме стихотворений, названных Ивановым-Разумником, Л. А. Дельмас, воспринимая стихи Блока очень «лично», в своем экземпляре «Седого утра» пометила инициалами «Л. А. Д.» стихотворение «Пусть я и жил, не любя...», почувствовав его «побочный мотив» (см. об этом в книге А. Е. Горелова в главе «Александр Блок и его „Кармен“»). Отмечено ею также стихотворение «Демон» (1916). Это стихотворение как адресованное ей она называла Д. Е. Максиму в разговоре 1946 г. Стоят инициалы «Л. А. Д.» в сборнике «Седое утро», принадлежавшем Л. А. Дельмас, и над стихотворением «Как день светла, но непонятна...» (20 февраля 1914). Это стихотворение было написано Блоком до знакомства с Дельмас (28 марта 1914), но уже после первого письма к ней (14 февраля 1914). Стихотворение по своему образному строю действительно близко к циклу «Кармен» (мотивы весны, тайного вихревого огня, порыва, тревоги, сна, игры).

Е. П. ИВАНОВ — Р. В. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

23 декабря 40 г. Ленинград 22
Петроградская сторона, Карповка 18, кв. 7

Дорогой Разумник Васильевич,

поздравляю Вас Днем Ангела, днем и солнцеворота, и дай бог Вам здоровья, крепости на многие годы и во всем успеха. «Будь жив», как сказал бы наш общий друг Д. М.¹ и «живи» — как напевает скрипки стон неутомимый, образ девушки любимой Алек. Блока ².

Этот стон скрипки под горою пережитого и возвращает меня к Вашему письму от 2 декабря 1940 г.

Прежде всего большое Вам спасибо за все сообщенное в нем перед судом.

«Суд идет» — и публика должна почтить его вставанием, потому что тут уже дело не только в литературной критике, а о большем суде «Вечной памя-

О слове без слова
 Сказаться душой
 было можно (Фет.)
 Александр Блок

АВТОГРАФ БЛОКА: «О ЕСЛИ Б БЕЗ СЛОВА
 СКАЗАТЬСЯ ДУШОЙ БЫЛО МОЖНО (ФЕТ.)
 АЛЕКСАНДР Б Л О К».

Частное собрание, Ленинград

ти», в ее, так сказать, сфере. 2 декабря, как Вы помните, день смерти Марии Андреевны³. В этот день, ходя в сфере «Вечной памяти», я побывал у Аннушки⁴ и потом пошел к Дельмас узнавать ее телефон и точный адрес. Она сама, конечно, занята была в Консерватории⁵, но в прихожей № телефона сообщила мне ее «добрая подруга», очень милая старушка⁶. Телефон я узнавал для Вас и для себя. Получив 3-го Ваше письмо от 2-го, я уже узнал, что Вам известен телефон — Я попросил «подругу» Люб(ови) Ал(ександровны) передать ей впечатление, какое произвело на меня пение Любимовой, ее, по-видимому, духовной дочери, в которую она постаралась вложить свои творческие способности⁷.

14-го декабря вечером, часов в 10, побывал у Л(юбови) А(лександровны) до 12 часов. Она весь день была занята уроками музыки, и я удивляюсь, как у нее хватило сил уделить мне еще времени.

Показывала она рукописи свои с условной пометкой «Да»; я не считал деликатным вчитываться очень, но, я думаю, Вы сами видели их, и, мне кажется, лучшего исследователя их, кроме Вас, не найти.

Надеюсь, что Вам удастся это дело, а не другим, тем более что Л(юбовь) А(лександровна) очень высоко Вас ценит и говорила мне о замечательном письме, какое Вы ей прислали⁸.

Л(юбовь) А(лександровна) из тех лиц, которые склонны «замыкаться и молчать»⁹, когда «молва» начинает очень залезать в тайники души и Вечной памяти.

Но Вы сумеете это сделать, не возбуждая молвы.

Насколько я мог судить, мне кажется, Л(юбовь) А(лександровна) вполне разделяет Ваше мнение, что стихотворение «Перед судом» написано по поводу ее и только.

Тем не менее я не из упрямства, а перед Судом Вечной памяти остаюсь при прежнем своем утверждении, только более углубленном Вашими сообщениями.

Насчет повода я не возражаю.

Поводом служит несомненно момент глубокого переживания от признания Л(юбови) А(лександровны) о пережитом ею. Он и выражен в строфе, которую Вы приводите.

Женщина, прекрасная когда-то,
 Слабая, замучила семья,
 Пала низко, мало виновата.
 Так и судьи скажут, так и я.

Но не поводом определяется суть стихотворений. «Для берегов отчизны дальней» Пушкина повод известен, но стихотворение поглотило этот повод как челн, на котором мы выплыли в море¹⁰.

Замечательно, что эта приведенная строфа, служащая поводом всего стихотворения, является *слабой* во всех отношениях, вычеркивается автором, и, не-

сомненно, от этого стихотворение только выигрывает перед судом даже литературным.

Но пережитый момент при признании был так глубок, что вызвал «приближение звука», понятного и знакомого, разбудил «мой колокола» и охватил всю жизнь самого автора с пережитым им¹¹.

Перспектива стихотворения ширится на всю жизнь А<лександра> Б<лока>, не ограничиваясь только 14-ым годом.

«Эта *прядь* такая золотая разве не от старого огня» связана с «золотой *прядью* на лбу» стихотворения, несомненно связанного с «Любой»¹².

Люба, конечно, не «Прекрасная Дама», но в Любе была сфера, которая вызвала в сфере Блока образ Прекрасной Дамы¹³.

Какой Люба, «хорошая Люба» представлялась в этой сфере Ал<ександру> Ал<ександровичу>, образ ее и его матери запечатлен в «Песне Судьбы»¹⁴.

Не получив еще Вашего письма от 6-го декабря, мне все в голову пришло написанное Вами о том, что первая строка «что ты потупилась» не подходит к Л<юбови> Д<митриевне> такой, какой Вы знали ее, и это, пожалуй, послужит Вам поводом утверждать, что перед судом говорится не о Любе, а об Л<юбови> А<лександровне>¹⁵.

Но «дорогой» мой, ведь Вы Любу не знали, какой она была до 1907 г., как она краснела и потупившись стояла тогда, да и потом долго еще перед близкими ее¹⁶. Стихотворение охватывает ее такой, а не последней, «страстной, безбожной, пустой и все же незабвенной»¹⁷, которой говорит Ал<ександру> Ал<ександрович> «прости» как отчасти виноватый в таком изменении прежнего чудного лика.

Те же слова говорил он по свидетельству Л<юбови> А<лександровны> и ей, и она удивлялась: и за что «прости».

Разве Вы не учитываете «Двуликое одиночество» Ал<ександра> Ал<ександровича>, в котором «готовятся чудные дары...»¹⁸. Для толпы, бросающейся бежать из «Высоких Соборов», — это ужас *двуличности*, но ведь в нем это не то¹⁹.

Поэтому мое утверждение, что перед судом идет речь не только об Л<юбови> А<лександровне>, но в основном об Л<юбови> Д<митриевне>, имеет еще и ту правду, что лицо самого автора становится необычайно прекрасным, преображенным в этом стихотворении и в его «прости меня».

Наконец запись Алекс<андра> Алекс<андровича> в его записной книжке является совсем неисчерпывающей вопроса в этом деле.

Во-первых, потому что «*все-таки*» — не помещено «Перед судом» в цикл «Кармен», да и странно бы оно там звучало, а во-вторых, автор, творя, может и сам неясно сознавать, что творится им помимо его воли.

Это гениально выражено в комическом «авторе» Балаганчика. «Почтеннейшая публика и т. д.!»

Автор может попасть в комическое положение.

Дорогой мой, Вы пишете «перед судом» то «что есть» эпизодически, и это очень ценно, потому Вы и «Дорогой враг» на суде, «дорогой враг видит то, что есть», есть эпизодически, но подлинный суд видит или ищет в Вечной памяти «то, что должно быть»²⁰.

Целую крепко от всего сердца и помышления. Любящий Вас

Е. И в а н о в

Сердечный привет и поздравления Варваре Николаевне и дочке Вашей от меня, от жены и Марины, а Маня сама Вам написала и посылает вместе с моим письмом²¹.

Где-то Вы и увидимся ли скоро?

Е. И в а н о в

¹ Дмитрий Михайлович Пинес (1891—1937) — историк литературы и библиограф.

² Из стихотворения Блока «Скрипка стонет под горой...» (1903).

³ Мария Андреевна Бекетова, тетка и биограф Блока, умерла 2 декабря 1938 г.

⁴ Аннушка — Анна Ивановна Шелгунова была, по словам Е. П. Иванова, «давней при-

слугой: на самом деле скорее госпожой» Марии Андреевны Бекетовой (Е. П. Иванов. Воспоминания об Александре Блоке. — «Блоковский сб.», 1, с. 374).

⁵ Л. А. Дельмас с 1933 г. была педагогом сольного пения сначала в Музыкальном училище при консерватории, затем в консерватории ассистентом на кафедре профессора П. З. Андреева. В 1938 г. получила звание, а в 1940 г. — должность доцента. — Автобиография Л. А. Дельмас (ГПБ, ф. 1056, ед. хр. 677, л. 1). Подробнее об артистической и педагогической деятельности Л. А. Дельмас см.: Т. Клинок. Любовь Александровна Дельмас-Андреева. — В кн.: «Музыка и жизнь», вып. 2. Л.—М., 1973, с. 215—230, а также в наст. кн. с. 578—590.

⁶ Речь идет о мадемуазель Мари Вива, француженке, дочери химика-парфюмера, жившей с 20-х годов у Л. А. Дельмас в качестве компаньонки и домоправительницы (сообщено И. А. Фашевской).

⁷ Ираида Павловна Любимова училась в Ленинградской консерватории у Л. А. Дельмас с 1939 по 1941 г. (архив Ленинградской консерватории).

⁸ Речь идет о копии письма Иванова-Разумника к Е. П. Иванову, которую Иванов-Разумник послал Л. А. Дельмас с просьбой подтвердить его предположения и разрешить имеющиеся сомнения.

⁹ Из стихотворения «Пусть я и жил, не любя...» (1915). См. прим. 2 к письму Иванова-Разумника от 6 декабря 1940 г.

¹⁰ По воспоминаниям Л. А. Дельмас, Блок любил романс «Для берегов отчизны дальней» («Юность», 1969, № 10, с. 93).

¹¹ Образы из стихотворений Блока «Приближается звук. И покорна шемящему звуку...» (1912) и «Под шум и звон однообразный» (1909) Е. П. Иванов сближает со стихотворением «Перед судом», считая, что все они близки по теме и связаны с Л. Д. Блок. Ср. тему «вины» и «прощения».

¹² Речь идет о стихотворении «Вот он ряд гробовых ступеней...» (1904), что подтверждается следующим абзацем письма Е. П. Иванова.

¹³ О поэтическом и житейском планах отношений Блока к жене см.: Д. Е. Максимов. Из архивных материалов о Блоке. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1956, т. 18, Фак. яз. и лит., вып. 5, с. 246—249; А. Е. Горелов. Гроза над соловьиным садом. Л., 1973, с. 603. См. также: В. Н. Орлов. Сны и явь. — ЛН, т. 89, с. 11—32.

¹⁴ Ср. запись Блока от 2 мая 1908 г.: «На Елену никто не обратил внимания, кажется, — пусть так: милая моя останется укрытой от человеческих взоров — единственная моя» (ЗК, 106).

¹⁵ См. прим. 1 к письму Иванова-Разумника от 6 декабря 1940 г.

¹⁶ Ср. записи Е. П. Иванова о Л. Д. Блок: 1903 — «Красная девица, вдруг вспыхивающая вся, как зарница или заря, по поводу или без всякого повода». — «Блоковский сб.», 1, с. 366; «Пришла Любовь Дмитриевна, села между Александром Александровичем и В. Греком и вдруг с чего-то покраснела, как девочка, рассердясь на себя за свою краску». — Там же, с. 367; 14 марта 1906 г. — «Был у Блока. У Любы голос дрогнул, и глаза опустела. Какое-то неважное происходит». — Там же, с. 401.

¹⁷ Во втором черновике письма Е. П. Иванова есть следующие строки: «И, наконец, „страстная, безбожная, пустая и незабвенная“ хотя и говорилось Л(юбови) А(лександровне), но больше подходит к Любе (особенно последнее время мне даже все слышалось не страстная, а „страшная“»). Ср. запись Блока от 18 февраля 1910 г. (ЗК, 166).

¹⁸ Из стихотворения Блока «Душа молчит. В холодном небе...» (1901).

¹⁹ В этих строках, скорее всего, Е. П. Иванов напоминает Иванову-Разумнику о статье Ю. А. Айхенвальда «Поэзия Блока» (в кн.: «Слово о культуре». М., 1918, с. 4—5). Критик видел причину постоянных сомнений Блока в своем идеале, в том, что «изменчив он сам, что двулична его душа» (курсив мой. — Н. С.). Как доказательство Ю. А. Айхенвальд приводил стихотворение «Люблю высокие соборы...» (1902).

²⁰ Е. П. Иванов цитирует надпись Блока Иванову-Разумнику на книге «Снежная ночь» в ноябре 1913 г.: «Разумнику Васильевичу Иванову — дорогому врагу — с крепким рукопожатием. Александр Блок» (первые опубл. в кн.: Иванов-Разумник. Вершины. Пг., 1923; см. также наст. том, кн. 3, с. 16) и запись Блока в дневнике от 8 ноября 1913 г.: «Другом называется человек, который говорит не о том, что есть или было, но о том, что может и должно быть с другим человеком. Врагом — тот, который не хочет говорить о будущем, но подчеркивает особенно, даже нарочито, что есть, а главное, что было... дурного (или что ему кажется дурным). Вот почему я пишу на книге, даримой Иванову-Разумнику: „дорогому врагу“» (VII, 250).

²¹ Варвара Николаевна Иванова — жена Р. В. Иванова-Разумника. Марина Евгеньевна Извова и Мария Павловна Иванова — дочь и сестра Е. П. Иванова.

Р. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — М. П. ИВАНОВОЙ и Е. П. ИВАНОВУ

24 декабря 1940. Пушкин.

Дорогие Мария Павловна и Евгений Павлович!

Вернувшись сегодня утром из Москвы (куда я ездил на 3 дня по вызову Литературного музея и отчасти по Вашим делам, о чем скажу ниже), я нашел

на столе Ваши письма, которые очень меня тронули и порадовали. С сердечной благодарностью принимаю Ваши и Александры Фадеевны и Мариши¹ поздравления с завтрашним моим «тезоименитством» и со Спиридоном-солнцеворотом, прибавляя к ним еще одно поздравление: завтра, одновременно с именинами, и день моего рождения (меня оттого и наименовали, что я родился в день этого святого). Мне завтра стукнет 62 года — ух! Но разве дело в цифрах? Чувствую себя доселе непригнетенным и молодым, а отчасти и взъерошенным, как тургеневский воробей: «мы еще повоюем, чорт возьми!»². А потому — за поздравления и пожелания двойное спасибо.

Теперь — дела. Дорогая Мария Павловна, сим сообщаю, что письма Алекс<андры> Андр<еевны> к Вам переданы мною Гослитмузею с заявлением, что владелица оценивает их в 2000 р. и на меньшую оценку согласиться не может. На другой день мне сообщили, что письма оценены в 1750 р., на что я потребовал выдачи мне писем обратно для возврата Вам. После этого и нового обсуждения дела Музей согласился на 2000, которые должны быть высланы Вам по почте до Нового года. Просьба: если Вы получите перевод на меньшую сумму — не брать денег, потерпеть (как ни трудно) и немедленно известить меня*. Надеюсь, что все будет благополучно и необходимости в этом не последует.

А за гонорар мне — Ваше большое «блоковское» письмо ко мне — большое, большое спасибо. Храните его у себя, я заеду к Вам в скором времени и тогда получу его из Ваших рук.

Дорогой Евгений Павлович! В следующую мою поездку в Москву — в январе или феврале («е.б.ж.», как писал Лев Толстой) — отвезу в Литературный музей письма к Вам Алекс<андры> Андр<еевны> и переписанные на машинке Ваши письма к Ал<ександру> Ал<ександровичу>, надеюсь доставить Вам не меньшую сумму, чем Марии Павловне. Но — загадывать вперед не будем.

Что же касается сути Вашего письма ко мне — по поводу «Перед судом», то ни мало не возражаю против углубления его «направленности». Адресовано оно — не Л<юбови> Д<митриевне>, а Л<юбови> А<лексаандровне>, но обе «Любы» пересекались в подсознании А<лександра> А<лександровича>, и, кстати сказать, у обеих была «золотая прядь». Но в 1915 году золотая прядь Л<юбови> Д<митриевны> погасла, а у Л<юбови> А<лексаандровны> — пылала; «прежний огонь» был огнем марта 1914 года, но мог вспоминаться и огонь 1902 года. И все же — это стихотворение относится к «Кармен» и говорит нам о том, чем закончился этот цикл. Так сказал сам автор — и против его свидетельства спорить не приходится.

В ближайшие дни сговорюсь по телефону с Л<юбовью> А<лексаандровной> и вплотную побываю у нее, а потом (один или с Варварой Николаевной) побываю и у Вас. Тогда и договорим. Разве еще одно: Л<юбовь> Д<митриевна> могла «потупить» в смущении в 1903—1907 г., но уже была бессильна сделать это после 1912 г., когда я ее знал. А «Перед судом» написано в 1915 году.

До скорого свидания! Целую всех, кого можно и кого нельзя.

Сердечно Ваш. Р. Иванов

¹ Александра Федоровна Иванова и Марина Евгеньевна Иванова — жена и дочь Е. П. Иванова.

² Цитата из стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Воробей».

* При высылке 2000 р. с Вас вычтут за почтовый перевод по 2 р. с сотни, так что получите Вы 1960 р.; но я говорю о меньшей сумме, т. е. о 1750 рублях; ее брать нельзя.